

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

1808—1809 гг.

(Продолженіе ¹⁾).

За-Ботническая операція.

1) Дѣйствія колонны Багратіона.

Войска, назначенныя въ составъ колонны Багратіона, сосредоточились между Або и Ништадтомъ въ послѣднихъ числахъ февраля. Общая численность отряда: пѣхоты 15¹/₂ тысячъ и около 2 тысячъ конницы, артилеріи и піонеръ; всего до 17 тысячъ. Такимъ образомъ эта группа оказывалась самою сильною. Въ составъ ея входили: по баталіону отъ полковъ гвардіи Преображенскаго, Измайловскаго и Егерскаго; полки 1-й, 2-й, 30-й и 31-й егерскіе, Вѣлозерскій, Петровскій, Перновскій, Либавскій, Невскій, Брестскій, Вильманstrandскій, Рязанскій, Кексгольмскій и баталіонъ Великолуцкаго. Конницу составляли лейбъ-казаки, 4 эскадрона Гродненскихъ гусаръ, Уральская сотня и Донскіе казачьи полки Исаева и Лащилина. Сборнымъ мѣстомъ всей колонны былъ назначенъ островъ Кумлинге, одинъ изъ наиболѣе крупныхъ острововъ Аландскихъ шхеръ, отстоявшій отъ восточнаго побережья Большаго Аланда въ 1¹/₂—2 переходахъ. Согласно даннаго ему плана, Багратіонъ долженъ былъ идти 5-ю колоннами, причемъ четыремъ изъ нихъ надлежало угрожать противнику ра-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 5.

зомъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, сохраняя, однако, между собою связь, съ тѣмъ, чтобы сосредоточиться, если понадобятся совокупныя усилія; что же касается пятой (нѣсколько болѣе сильной), колонны, то ей предназначено было обойти Аландскій архипелагъ съ юга и стараться выйти къ западному берегу крайняго острова Эккеръ-э чтобы отрѣзать защитникамъ Аланда отступление къ Стокгольму.

Оборона Аланда возложена была на генерала фонъ-Дебельна, въ распоряженіи котораго находилось не болѣе 6 тысячъ регулярныхъ войскъ и до 4 тысячъ вооруженныхъ жителей. Дебельнъ предвидѣлъ, что удержать ему Аландскіе острова врядъ ли удастся ¹⁾ и, принимая дѣятельныя и энергичныя мѣры къ упорной ихъ оборонѣ, не забывалъ объ обезпеченіи своевременнаго отхода своихъ силъ на шведскій берегъ. Опасаясь ненадежности льда въ Аландстафѣ, который, въ случаѣ южнаго вѣтра, легко могъ быть взломанъ, Дебельнъ пытался сперва убѣдить короля въ томъ, что Аландъ лучше вовсе очистить, не жертвуя лучшими остающимися у Швеціи войсками (въ его отрядъ входила вся королевская гвардія). Однако согласія на то со стороны Густава-Адольфа не послѣдовало и велѣно его оборонять во что бы то ни стало. «Непремѣнно отстаивать Аландъ» — писалъ король въ собственноручномъ рескриптѣ своему военному министру. «Весьма важно имѣть по ту сторону залива военный пунктъ. Прикажете сосредоточить армию и отправить на Аландъ нужныя подкрѣпленія. Характерно, что предписаніе это, данное за 6 дней до низверженія Густава съ престола, не было исполнено, но — только въ отношеніи *второй* его половины, т. е. сбора войскъ и отправки подкрѣпленій на Аландъ; первая же половина отмѣнена *не была*, и Дебельну предоставили оборонять Аландъ какими угодно способами и средствами ²⁾).

Опасаясь, что наши войска могутъ обойти архипелагъ съ юга, Дебельнъ вывелъ все населеніе южныхъ острововъ въ полосѣ 140 верстъ шириною, сжегъ и опустошилъ въ ней всѣ селенія, кромѣ церквей, а самъ сосредоточился исключительно на Большомъ Аландѣ, преградилъ всѣ пути засѣтками, устроилъ въ важнѣйшихъ прибрежныхъ пунктахъ морскія батареи, а островъ Эккеръ-э укрѣпилъ въ качествѣ редюита, рѣшивъ держаться до послѣдней крайности.

¹⁾ Что и выразилъ довольно ясно королю при своемъ представленіи ему въ концѣ января (Норденсванъ, 406).

²⁾ За очищеніе Аланда ратовалъ передъ королемъ и генералъ-квартирмейстеръ Авъ-Тибелль, но король былъ непреклоненъ и — прибавляетъ иронически Норденсванъ (409) — «Аландъ пришлось оборонять до послѣдняго дня пребыванія Густава IV Адольфа на тронѣ Швеціи».

Получивъ приказаніе быть готовымъ къ выступленію по первому приказанію, князь Багратіонъ выслалъ два авангарда: генераль-майора Шепелева (правый) и Кульнева (лѣвый) ¹⁾, которые продвинулись впередъ на переходъ, занявъ подходящіе острова и выславъ по льду разъѣзды нащупать противника. Уже 22-го февраля казаки имѣли удачное столкновеніе съ передовыми шведскими постами и захватили 20 плѣнныхъ.

26-го февраля Багратіонъ, получивъ приказаніе выступать, тронулся на ледъ и пошелъ на островъ Кумлинге, назначенный сборнымъ мѣстомъ всей колонны. Войска были обильно снабжены теплою одеждою (полушубками, теплыми фуражками и валенками); транспортъ саней, нагруженныхъ продовольствіемъ, виномъ и дровами, безконечною черною змѣей тянулся за войсками по ослѣпительной снѣжной пустынь. 28-го присоединился къ колоннѣ военный министръ графъ Аракчеевъ, въ сопровожденіи главнокомандующаго Кнорринга и бывшего нашего посланника въ Стокгольмѣ Алопеуса. Кноррингъ игралъ роль безсловесной куклы: Аракчеевъ распоряжался всѣмъ полновластно, опираясь на волю Государя. Алопеусъ былъ снабженъ Государемъ особыми полномочіями, на случай, если со стороны шведовъ послѣдуетъ поползновеніе вступить въ переговоры. Для облегченія этого желаннаго исхода предписано было сторожевымъ частямъ нашимъ оповѣщать непріятельскія, что въ главной квартирѣ нашей имѣется такое лицо, которое уполномочено, въ случаѣ надобности, возобновить дипломатическія сношенія.

2-го марта войска сосредоточились на Кумлинге, а 3-го выступили 5-ю колоннами, черезъ полыни и сугробы; пѣхота шла рядами, конница гдѣ по два, а гдѣ и по одному... Первый переходъ совершенъ былъ безпрепятственно; передовыя части шведовъ очищали мелкіе острова и уходили къ западу.

Къ вечеру этого дня первыя четыре колонны заняли островъ Варде, противъ большого Аланда, а пятая прошла черезъ островъ Сотгунга на островъ Бенё, гдѣ столкнулась съ непріятельскимъ арьбергардомъ.

Казаки атаковали его, а Кульневъ съ остальными своими войсками, т. е. всею конницею и двумя ротами (одна изъ нихъ — лейб-гвардіи Егерскаго полка) пошелъ по льду въ обходъ острова. Это заставило шведовъ поспѣшно отступить, увозя отрядъ на заранѣ

¹⁾ Кульневъ былъ въ авангардѣ 5-й (обходной) колонны.

подготовленных обывательскихъ подводахъ. Конница ихъ преслѣдовала неотступно, но шведы быстро ускользнули, такъ какъ фонъ-Дебельнъ, выяснивъ наше наступленіе съ двухъ сторонъ, велѣлъ всѣмъ своимъ отдѣльнымъ передовымъ и боковымъ прикрывающимъ отрядамъ стягиваться на Большой Аландъ, гдѣ онъ намѣревался оказать сопротивленіе.

Какъ разъ въ это время начальникъ Аландскаго отряда получилъ изъ Стокгольма извѣстіе о совершившемся тамъ государственномъ переворотѣ... Произошелъ онъ слѣдующимъ образомъ. 28-го фѣвраля въ Стокгольмѣ принеся слухъ о бунтѣ въ войскахъ на норвежской границѣ, бывшихъ подъ начальствомъ Адлерспарре, и о наступленіи ихъ къ столицѣ съ цѣлью низложенія короля. Положеніе послѣдняго стало критическимъ. Съ минуты на минуту ожидалось появленіе русскихъ войскъ съ одной стороны, а въ то же время съ другой стороны внезапно нагрянула новая гроза—измѣна своихъ. Сперва Густавъ Адольфъ думалъ ударить на бунтовщиковъ съ войсками стокгольмскаго гарнизона (всего 4,500 человекъ), затѣмъ рѣшилъ вывести послѣдній на соединеніе съ 15 тыс. корпусомъ, стоявшимъ въ Шоніи и всѣми силами сокрушить мятежниковъ. Ближайшіе совѣтники короля отговаривали его отъ такого рѣшенія и убѣждали вступить въ мирные переговоры съ Россіей и созвать государственныхъ чиновъ, для выясненія мѣръ по облегченію народа. Когда же король отвергъ это наотрѣзъ, онъ былъ схваченъ и обезоруженъ собственными же совѣтниками и генералами, въ числѣ которыхъ были и графъ Клигспоръ, и его начальникъ штаба Адлеркрейцъ. Густавъ IV Адольфъ (по слухамъ, уже собиравшійся бѣжать въ Англію) былъ взятъ подъ стражу, низложенъ, и правленіе королевствомъ вручено его дядѣ, герцогу Карлу Зюдерманландскому. Позднѣе, уже въ маѣ, созданный сеймъ официально объявилъ Густава и все потомство лишеннымъ престола, а корону вручилъ регенту, принявшему имя Карла XIII.

Извѣстіе о случившемся въ Стокгольмѣ пришло къ генералу Дебельну 3-го марта, почти одновременно съ донесеніемъ о наступленіи русскихъ. Дебельнъ, желая очевидно воспользоваться неожиданнымъ поворотомъ событій для отвращенія опасности отъ столицы Швеціи, которая въ такую сумятицу могла быть легко захвачена русскими войсками (отъ Аланда до Стокгольма 5—6 переходовъ), послалъ къ намъ переговорщика, полковника Лагербринка, для извѣщенія о случившемся. На бѣду при колоннѣ Багратиона находились и Аракчеевъ, и главнокомандующій; такимъ обра-

зомъ неизбѣжно было направить къ нимъ этого парламентаря. Такъ Багратіонъ и поступилъ, а самъ взглянулъ на дѣло съ чисто военной точки зрѣнія, т. е. призналъ попытку Дебельна ничѣмъ инымъ, какъ только способомъ *выиграть время*; поэтому онъ далъ своимъ колоннамъ толчекъ: насѣдать смѣлѣе на непріятеля. Колонны наши наводнили Большой Аландъ, уже отчасти очищенный шведами, отступившими къ его западному краю. Только лѣвая колонна графа Строганова, въ предшествіи неутомимаго Кульнева, нагнала у Лемланда непріятельской аріергардъ, который послѣ небольшой стычки, обратился въ бѣгство, бросивъ свои орудія. Въ двое сутокъ занятъ былъ почти безъ боя весь архипелагъ. «Войска Его Императорскаго Величества» (доносилъ Багратіонъ) ознаменовали себя неограниченною ревностью и явили примѣръ неутомимости. Дѣлая переходы денно и ночью для достиженія бѣгущаго ихъ непріятеля, они... преодолѣли всѣ препоны, натурою поставленныя».

4-го марта въ нашу главную квартиру пріѣхалъ самъ генераль фонъ-Дебельнъ,¹ которому изъ Стокгольма было приказано всѣми средствами добиться остановки нашего наступленія. Онъ завязалъ переговоры, сперва съ Кноррингомъ и Сухтеленемъ, а затѣмъ и съ графомъ Аракчеевымъ.

Послѣдній сперва не согласился на перемиріе, настаивая на томъ, что «цѣль Императора Александра состоитъ не въ покореніи Аландскихъ острововъ, но въ принужденіи Швеціи подписать миръ въ Стокгольмѣ». вмѣстѣ съ тѣмъ Аракчеевъ предложилъ Кноррингу ускорить наступленіе нашихъ войскъ, что, какъ извѣстно, уже исполнялось ими по *почину* самого Багратіона... Проявленіе послѣднимъ въ данномъ случаѣ самодѣятельности весьма поучительно и знаменательно, подтверждая тотъ взглядъ на этого замѣчательнѣйшаго изъ нашихъ генераловъ того времени, озареннаго лучами Суворовской славы и *воспитаннаго* въ духѣ его завѣтовъ, который выраженъ недавно Н. Морозовымъ въ его интересной и поучительной брошюрѣ: «*Воспитаніе генерала и офицера, какъ основа побѣдъ и пораженій*».

Итакъ, 5-го марта наступленіе поперекъ Аланда продолжалось; всѣ колонны имѣли рядъ аріергардныхъ боевъ со шведами, захватили нѣсколько трофеевъ, въ томъ числѣ одно знамя. Къ вечеру 5-го Дебельнъ сосредоточилъ всѣ свои силы на крайнемъ западномъ островѣ Эккеръ-э, которому съ юга уже угрожала колонна Строганова. Въ ночь съ 5-го на 6-е марта шведы пошли черезъ

Аландсгафъ, прикрывая внутри огромныхъ каре то казенное и частное имущество, которое успѣли увезти. Большая часть его, однако, была брошена; Дебельнъ пытался сжечь часть запасовъ, но быстрота нашего преслѣдованія не позволила это выполнить. Въ наши руки попадали оставленныя батареи съ орудіями и боевымъ комплектомъ, лазареты, повозки, магазины и т. п. На утро конница авангарда Кульнева, который уже пять сутокъ не сходилъ со льда, не видавъ никакого жилья, настигла аріергардъ непріятеля у Сигнальшера (маленькая группа острововъ посреди Аландсгафа). Казаки Исаева окружили одну колонну, свернувшуюся въ каре, врѣзались въ нее и отбили 2 орудія и 144 плѣнныхъ; потомъ нагнали далѣе другое каре, и здѣсь взяли еще двѣ пушки; гродненскіе гусары изолировали послѣдній баталіонъ Зюдерманландскаго полка и совершенно его окружили. 14 офицеровъ, 442 нижнихъ чина съ баталіоннымъ командиромъ Энгельбрехтенемъ во главѣ, послѣ непродолжительной перестрѣлки, вступили въ переговоры и вскорѣ положили оружіе. По расчету самихъ *шведскихъ* источниковъ, это отступленіе, не считая сдавагося цѣликомъ баталіона, стоило Дебельну около 1,200 человекъ, большею частью попавшихъ въ руки русскихъ отсталыми.

Въ общемъ, число плѣнныхъ, забранныхъ Кульневымъ на льду, *превысило силы его отряда*, а все пространство снѣжной пелены Аландсгафа было усыяно брошенными повозками, зарядными ящиками, предметами вооруженія и снаряженія и т. п.

Тѣмъ временемъ фонъ-Дебельну были пересланы Аракчеевымъ тѣ *мирныя условія*, съ принятіемъ которыхъ могутъ быть прекращены военныя дѣйствія. Условія эти были: а) уступка Финляндіи съ Аландомъ въ вѣчное владѣніе Россіи; б) отказъ отъ союза съ Англіей, и в) обѣщаніе защитить Швецію отъ англичанъ вспомогательнымъ корпусомъ. Графъ Аракчеевъ сдѣлалъ крупную ошибку, пріостановивъ дальнѣйшее наступленіе черезъ Аландсгафъ *въ ожиданіи* полученія отвѣта изъ Стокгольма. Впослѣдствіи онъ передъ Государемъ обвинялъ нашихъ генераловъ «въ худомъ желаніи отправиться въ Швецію» (М. Д., стр. 189), но врядъ ли можно допустить, чтобы отданное имъ категорическое приказаніе не было бы исполнено. А на отдачу подобныхъ приказаній онъ былъ уполномоченъ. Вѣрнѣе предположить (какъ это и дѣлаетъ К. Ординъ, I. 425), что самъ всесильный военный министръ почувствовалъ неувѣренность въ себѣ въ виду того риска, которому подвергся бы весь 16-ти тысячный корпусъ Багратіона, если бы онъ оказался въ Швеціи

отрѣзаннымъ отъ своей базы въ случаѣ взлома льда въ проливѣ Аландсгафъ... Противникъ экспедиціи Кноррингъ, главнокомандующій только номинальный въ эту минуту, разумѣется все время представлялъ всѣ возможные устрашающіе доводы...

Въ результатѣ, черезъ Аландсгафъ посланъ все тотъ же неизмѣнный, ничего и нигдѣ не боявшійся и ни передъ чѣмъ не останавливающійся Кульневъ. Онъ повелъ за собою лейбъ-уральскую сотню, по 2 сотни казаковъ полковъ Исаева и Лапилина и 3 эскадрона гродненцевъ. Ночь съ 6-го по 7-е марта отрядъ этотъ провелъ на Сигнальшерѣ; передъ ночлегомъ Кульневъ отдалъ свой знаменитый приказъ 1): «Богъ съ нами! Я предъ вами; князь Багратіонъ за вами. Въ ночь, въ два часа собратъся у мельницы. Походъ до шведскихъ береговъ вѣнчаетъ всѣ труды наши. Сіи волны истинная награда, честь и слава безсмертная! Имѣть съ собою по 2 чарки водки на человѣка, кусокъ мяса и хлѣба и по два гарнца овса. Море не страшно тому, кто уповаетъ на Бога. Отдыхайте, товарищи!»

Выступивъ въ 3 часа утра, Кульневъ, имѣя пѣсенниковъ впереди, въ 8 часовъ прошелъ разстояніе отъ Сигнальшера до шведскаго берега, представлявшее собою безформенныя груды другъ на друга нагроможденныхъ льдинъ. Сторожевыя посты шведовъ, бывшіе на берегу, пораженные появленіемъ русской конницы, были мигомъ съ налета атакованы казаками; они засѣли за камнями и оттуда выбиты спѣшенными уральцами. Кульневъ такъ разбросалъ свой отрядъ, что онъ казался гораздо многочисленнѣе, и кромѣ того черезъ переговорщика увѣрилъ шведовъ, что главныя силы наши наступаютъ южнѣе, направляясь къ Нортелье, городу, лежащему въ двухъ переходахъ сѣвернѣе Стокгольма. Грисслегамнъ былъ сданъ Кульневу безъ боя, и онъ доносилъ оттуда Багратіону: «честь и слава російскаго воинства на берегахъ Швеціи. Я съ войскомъ въ Грисслегамнѣ воспѣваю: Тебѣ Бога хвалимъ!»

Появленіе Кульнева, въ ста верстахъ отъ столицы на шведскомъ берегу, вызвало переполохъ въ ея населеніи: многіе бросали городъ и вывозили свое имущество. Но вскорѣ обѣщаніе герцога Зюдерманландскаго, переданное черезъ Дебельна, прислать уполномоченныхъ для начатія переговоровъ, побудило Кнорринга и Арак-

1) Приказы генерала Я. П. Кульнева, оригинальные по стилю, во многомъ интересны и поучительны. Ихъ можно найти въ старинной книжечкѣ изданія 1817 г. «*Духъ генерала Кульнева или черты и анекдоты, изображающія великія свойства его*».

чеева, чтобы доказать искренность своихъ стремленийъ къ миру, пойти навстрѣчу желаніямъ новаго правителя Швеціи и приказать нашимъ войскамъ *возвратиться въ Финляндію*. Распоряженіе это коснулось не только Кульнева, но и другихъ колоннъ, уже достигшихъ къ этому времени извѣстныхъ успѣховъ.

Какъ оказывается, Дебельнъ ввелъ съ умысломъ нашихъ генераловъ *въ заблужденіе*: все это было съ его стороны ловкою стратегіею. Онъ нарочно обусловилъ передъ ними присылку уполномоченнаго тѣмъ, чтобы «ни одинъ русскій отрядъ не вступалъ на шведскую землю»; этимъ онъ избавилъ Стокгольмъ отъ неминуемо грозившей ему участи, ловко провелъ хитраго Аракчеева и вынулъ насъ еще цѣлые полгода вести войну...

Переходъ Барклай-де-Толли черезъ Кваркенъ.

Барклай-де-Толли, назначенный командиромъ Вазаскаго корпуса вмѣсто князя Голицына, по прибытіи своемъ въ Вазу въ 20-хъ числахъ февраля, не нашелъ тамъ не только необходимыхъ приготовленій къ предстоящему переходу корпуса на шведскій берегъ, но даже продовольствіе войскъ, бывшихъ на мѣстѣ, не было обезпечено. «Магазины пусты» (доносилъ онъ Кноррингу 23-го февраля), «полки и команды, кромѣ 25-го егерскаго полка, не имѣютъ ни на одинъ день запаснаго сухарнаго провіанта и едва удовольствованы на сей мѣсяцъ... Навагинскій полкъ, расположенный въ Гамле-Карлебю, удовлетворенъ только по 18-е число сего мѣсяца; въ тамошнемъ магазинѣ ничего нѣтъ, слѣдственно до прибытія туда отправляемыхъ транспортовъ онъ терпитъ совершенный голодъ. Въ лейбъ-Гренадерскомъ, Полоцкомъ и Тульскомъ полкахъ, которые близко и могутъ собраться въ Вазу въ два или три дня, подъ ружьемъ рядовыхъ только 3,462 человекъ... Остальные полки могутъ прибыть сюда: Навагинскій черезъ 12, 25-й егерскій черезъ 18—20 дней, а по сборѣ сихъ полковъ буду я имѣть 5.468 человекъ подъ ружьемъ. О полкахъ, назначенныхъ изъ Улеборгскаго корпуса, свѣдѣній еще не имѣю; едва ли они черезъ три недѣли сюда придутъ. Въ Тульскомъ и Полоцкомъ полкахъ недостаетъ 34,000 боевыхъ патроновъ...» ...Не имѣю я картъ, ни здѣшнихъ мѣстъ, ни Швеціи. Связи въ дѣйствіяхъ съ корпусомъ графа Шувалова установлено быть не можетъ. Не имѣемъ никакихъ вѣрныхъ извѣстій о непріятелѣ, а знаемъ, что онъ собираетъ силы свои близъ Умео...» Въ концѣ концовъ, Барклай при-

ходилъ къ заключенію, что, при такихъ условіяхъ идти къ Умео съ 5,000 человекъ—невозможно ¹⁾.

Аракчеевъ указалъ Барклаю средства быстро пополнить недостатокъ продовольствія и боевыхъ припасовъ. Недостающее количество муки было пополнено отправкою 1,000 четвертей добавка, организованною еще прежде Аракчеевымъ, что вмѣстѣ съ наличною мукою, примѣрно въ томъ же количествѣ, давало запасъ продовольствія для всего отряда на 1½ мѣсяца. Недостатокъ боевыхъ патроновъ Аракчеевъ рекомендовалъ пополнить отъ людей, состоящихъ въ комплектѣ и изъ запаснаго артилерійскаго парка въ Гамла-Карлебю (140 верстъ отъ Вазы). «Поставляя сіе на видъ» Варклаю, Аракчеевъ заключалъ свое предписаніе слѣдующими словами, долженствовавшими, такъ сказать, «пришпорить» самолюбіе послѣдняго.

«На счетъ объясненія вашего, что вами очень мало получено наставленій отъ главнокомандующаго, то *генералъ съ вашими достоинствами въ оныхъ и нужды не имѣетъ*. Сообщу вамъ только, что Государь Императоръ къ 16-го марта прибудетъ въ Борго, то я увѣренъ, что вы *доставите Ему на сеймъ шведскіе трофеи*. На сей разъ я желалъ бы быть не министромъ, а на вашемъ мѣстѣ, ибо минустровъ много, а *переходъ Кваркена Провидѣніе предоставляетъ одному Барклаю-де-Толли*.

При такихъ обстоятельствахъ, Барклаю-де-Толли, которому было Аракчеевымъ строжайше предписано «скорѣе приступить къ исполненію воли Государя Императора», непременно донеся объ исполненіи, и немедленно идти къ Умео, ничего иного не оставалось, какъ двинуться съ тѣми войсками, которыя были близъ Вазы, не дожидаясь другихъ. Къ тому же, откладывать походъ не позволяло и приближеніе весны, заставлявшее опасаться возможнаго вскрытія залива. Въ составъ отряда, назначеннаго для совершенія единственнаго въ своемъ родѣ подвига, такимъ образомъ вошли: лейбъ-Гренадерскій, Тульскій и Полоцкій мушкетерскіе, три сотни казаковъ, 8 орудій; всего числомъ до 3,500 человекъ. Пермскій полкъ оставленъ въ Вазѣ для обезпеченія операціонной линіи. По прибытіи остальныхъ войскъ корпуса (т. е. полковъ Тенгинскаго, Навагинскаго, 24-го и 25-го егерскихъ) приказано ихъ отправлять *эшелонами* на присоединеніе къ первона-

¹⁾ Изъ допесенія Барклая Кпоррингу отъ 23-го февраля № 3. (Д. В. Уч. Арх. упр. гл. шт., № 1675).

чально переправившейся группѣ, которая, такимъ образомъ, выполняла задачу авангарда.

Ботническій заливъ между Умео и Вазою суживается до 100 верстъ; этотъ проливъ и называется Кваркеномъ. Близъ береговъ Швеціи и Финляндіи имѣются группы по большей части необитаемыхъ шхеръ, которыя суживаютъ ледяное поле до 60-ти верстъ. Тѣмъ не менѣе въ *одинъ* переходъ совершить переброску отряда съ одного берега на другой было невозможно: почевка на льду была неизбежной. Трудность и опасность перехода заключалась въ томъ, что вслѣдствіе постоянно повторяющихся юго-западныхъ вѣтровъ ледъ въ Кваркенѣ нѣсколько разъ въ зиму взламывается; поэтому при движеніи здѣсь всегда грозитъ опасность быть поглощеннымъ пучиною и, кромѣ того, попасть въ остающіяся повсемѣстно трещины и полыньи во льду, не видныя подъ снѣгомъ. Въ зиму 1808—1809 годовъ разрушеніе ледяного покрова здѣсь происходило уже два раза. Такія условія приводятъ къ тому, что сколько нибудь ровной ледяной поверхности здѣсь никогда не бываетъ, а наоборотъ, льдины нагромождаются другъ на друга, напоминая—груды осколковъ сахара, но только съ болѣе острыми, рѣзущими краями...

Отсюда видно, что этотъ 60-ти-верстный переходъ былъ дѣломъ величайшей опасности и трудности, нужна была великая сила духа, чтобы на это рѣшиться и привести это отважное рѣшеніе въ исполненіе...

Военная исторія знаетъ лишь одинъ еще зимній переходъ войскъ черезъ море: это переходъ шведскаго короля Карла X черезъ Большой и Малый Бельты въ 1658 году. Но уже одного взгляда на карту и сравненія разстояній достаточно, чтобы видѣть огромную разницу между этимъ событіемъ и тѣмъ, что сдѣлали наши войска въ 1809 году. Вотъ почему мы и рѣшаемся назвать дѣяніе Баркляя-де-Толли съ его отрядомъ «единственнымъ въ своемъ родѣ» подвигомъ. Справедливость, однако, не позволяетъ скрывать отъ себя, что подвигомъ этимъ мы обязаны въ значительной мѣрѣ энергіи Аракчеева, по собственному его выраженію, «столкнувшаго» Баркляя на ледь...

Кстати говоря, Датчане, наши союзники, подумывали переправить корпусъ въ Шонію по пути Карла X, но ледъ былъ взломанъ въ Зундѣ, и они ограничились разсѣяніемъ въ южной Швеціи прокламацій при помощи воздушныхъ шаровъ. Въ этихъ прокламаціяхъ шведскій народъ приглашался избрать въ короли свои, вза-

мѣнь отрѣшеннаго Густава IV Адольфа,—датскаго короля, чтобы возстановить такимъ образомъ Кальмарскую унію.

Еще до вступленія въ командованіе Барклай-де-Толли предварительныя развѣдки, произведенныя по порученію его предмѣстника князя Голицына л.-гв. Преображенскаго полка капитаномъ графомъ Толстымъ и войсковымъ старшиною Киселевымъ, выяснили возможность перехода, но и крайнюю рискованность его; въ тоже время развѣдчики узнали, что шведскихъ войскъ близъ Умео немного.

Барклай-де-Толли раздѣлилъ свои силы на 2 колонны («отдѣленія»); одна, полковника Филисова, 2 баталіона, 2 орудія и сотня казаковъ; другая, генераль-маіора Берга,—лейбъ-Гренадерскій и Тульскій полки, 2 сотни и 6 орудій. 5-го и 6-го марта обѣ колонны сосредоточились на островахъ близъ Вазы, Вальгрутѣ и Бьеркэ; войсковою старшина Киселевъ съ полусотней и посаженными на сани 40 мушкетерами былъ отправленъ на острова Гольмень и Гадденъ близъ шведскаго берега, съ цѣлью напасть врасплохъ на непріятельскіе посты (если они тамъ имѣются) и развѣдкою выяснитъ силы и расположеніе шведовъ на берегу.

1-я колонна должна была идти на Гольмень, 2-я—на Гадденъ, а отсюда съ двухъ сторонъ, съ сѣверной и южной, обѣ должны были двинуться на Умео. Войска снабжены были 10-ти дневнымъ запасомъ сухарей и 4-хъ дневнымъ фуража; обозовъ взято не было, только патронные ящики на полозьяхъ и сани для отвоза раненыхъ ¹⁾).

7-е марта проведено было отрядомъ Барклай на бивакъ на необитаемыхъ скалахъ, окруженныхъ ледяною пустынею. 8-го въ 5 часовъ, начался незабвенный въ нашихъ лѣтописяхъ переходъ. Борьба съ природою началась съ первыхъ же шаговъ. Къ счастью, погода была тихая и морозъ не превышалъ 15°. То карабкаясь на утесистые обломки, то обходя и дѣлая извилины, знобя и засѣкая ноги объ острые края льдинъ, бодро шли впередъ наши воины... Особенно страдали лошади... Артилерію, хотя и везомую на полозьяхъ, въ концѣ концовъ пришлось оставить на полу-пути подъ прикрытіемъ. Движеніе было крайне медленное; несмотря на все значеніе *быстроты*, приходилось давать людямъ частые короткіе отдыхи, иначе они едва не падали отъ изнуренія, такъ утомительно было движеніе по изломанной и изборожденной поверхности льда...

¹⁾ См. диспозицію Барклай въ томъ же дѣлѣ № 1675.

Тѣмъ не менѣе къ 6-ти часамъ вечера въ теченіе 12 часовъ пройдено было 40 верстъ, и войска добрались до отдѣльныхъ безплодныхъ острововъ Гольмена и Гаддена, предварительно занятыхъ Киселевымъ. Послѣдній, со своими казаками и отборными стрѣлками Полоцкаго полка, неожиданно напалъ, еще днемъ раньше, на занимавшую островъ Гольмень шведскую заставу, разбилъ ее на голову, но, къ сожалѣнію, не смогъ захватить всѣхъ людей въ плѣнъ: спасшіеся, очевидно, должны были предупредить своихъ о движеніи русскихъ. Потому, какъ ни устали у Барклая люди, — времени терять было нельзя. Онъ передохнулъ только до полуночи; костровъ развести было нечѣмъ; въ полночь Барклай выступилъ и повелъ колонну Берга прямо къ Умео, а Филисовъ пошелъ черезъ островъ Гольмень и далѣе на Умео съ сѣвера. Достигнувъ устья рѣки Умео, раннимъ утромъ Барклай далъ роздыхъ. Къ счастью у берега во льду оказались два торговыхъ судна; ихъ немедленно раскололи на дрова; костры, наконецъ, запылали и иззябшіе люди смогли отогрѣться. Послѣдній этотъ переходъ пришлось идти выше колѣна въ снѣгу, и остановка въ устьѣ Умео вызвана была полнымъ изнеможеніемъ отряда послѣ 18-ти часового марша... Какъ доносилъ Барклай впоследствии «понесенные въ семь переходѣ труды единственно русскому преодолѣть только можно».

Близъ Умео находился шведскій отрядъ графа Кронштедта, численностью не болѣе 1000 человекъ; онъ стоялъ себѣ на мирномъ положеніи, ничего не подозрѣвая. 9-го числа только прибѣжали нѣсколько людей, спасшихся съ захваченныхъ нами аванпостовъ, и сообщили о томъ, что русскія войска уже вблизи шведскаго берега. Слѣшно сталъ стягиваться Гриппенбергъ, но уже на разсвѣтѣ 10-го его передовая цѣпь была опрокинута нашими стрѣлками и слѣженными казаками; на плечахъ у непріятеля они скоро были уже у воротъ Умео. Видя, что ему не успѣть сосредотчиться и чувствуя, что русскіе въ превосходныхъ силахъ, Гриппенбергъ вошелъ въ переговоры ¹⁾). Въ концѣ концовъ заключено было перемиріе, по которому шведы обязались сдать Умео и всю Вестро-Ботнію до рѣки Эре, передавъ въ наши руки всѣ *запасы продовольствія*.

Послѣднее обстоятельство было самымъ важнымъ. То, что Барклай захватилъ въ Умео, обеспечивало его наличныя силы болѣе чѣмъ на мѣсяць, а заключенное перемиріе давало ему крупную

1) Ссылаясь на происшедшій въ Стокгольмѣ переворотъ.

выгоду спокойно дожидаться подхода остальных своих эшелоновъ (сосредоточеніе силъ). Поисками Филисова въ направленіи къ Торнео обнаружено еще значительное число запасовъ и захвачено нѣсколько транспортовъ.

Хотя силы Барклая и превосходили то, что имѣлъ въ своемъ распоряженіи Кронстедтъ, но шведы имѣли войска свѣжія, а наши были изнурены тяжкимъ переходомъ, да къ тому же *артилерія* была оставлена позади, а у непріятеля она имѣлась. При такихъ условіяхъ пойти на перемиріе, въ цѣляхъ выиграть время для подтягиванія артилеріи, остальныхъ эшелоновъ, для подкрѣпленія силъ и, наконецъ, для того, чтобы успѣлъ проявить себя на сѣверѣ графъ Шуваловъ, со стороны Барклая было рѣшеніемъ вполне благоразумнымъ и обстановкѣ отвѣчающимъ.

10-го марта совершилось торжественное вступленіе нашихъ войскъ въ Умео; 11-го марта подошелъ Навагинскій полкъ; Барклая рассчитывалъ вскорѣ подтянуть и остальные, а затѣмъ двинуться въ направленіи къ Стокгольму; но 12-го пришло приказаніе Кнорринга, извѣщавшее о заключенномъ на Аландѣ перемиріи и предписывавшее вернуться обратно въ Вазу. Исполнено это было Барклаемъ только 15-го числа, такъ какъ нужно было дать продолжительный отдыхъ людямъ, среди которыхъ было до 200 человекъ съ отмороженными ногами, а затѣмъ Барклаю не желалъ, чтобы «обратный походъ имѣлъ видъ принужденнаго отступленія». Все захваченное имущество и продовольствіе было возвращено обратно шведамъ. «Увезти съ собою взятую добычу» — писалъ Барклаю — «походило бы единственно на корыстолюбіе, а истребить и привести въ негодность... не было бы знакомъ миролюбія съ нашей стороны»... Большимъ облегченіемъ при обратномъ походѣ были 120 обывательскихъ подводъ, которыми могли пользоваться солдаты; кромѣ того усталыхъ подсаживали казаки на своихъ коней...

Въ результатъ подвигъ, совершенный 8-го—10 марта отрядомъ Барклая-де-Толли, свелся лишь къ непримѣрному преодолѣнію природы. Но понесенные этими доблестными войсками тяжкіе труды не были испытаны совсѣмъ даромъ: они оказали важное влияніе на событія, совершившіяся одновременно на крайнемъ сѣверѣ.

3) Походъ колонны графа Шувалова и Калликская капитуляція

По заключенной 7-го ноября предшествующаго 1808 года въ Олькіоки конвенціи демаркаціонною линією между обѣими сторонами назначена была рѣка Кеми. Наши передовые посты располагались всю зиму на лѣвомъ берегу этой рѣки, укрываясь въ отдѣльныхъ хижинахъ, еле защищавшихъ людей отъ ужасныхъ морозовъ. Главныя же силы Улеборгскаго корпуса стояли на широкихъ квартирахъ между рѣкою Кеми и городомъ Улеборгомъ. Шведы, подъ общимъ начальствомъ Клеркера, раздѣлены были на двѣ группы, изъ коихъ меньшая, графа Кронштедта, располагалась въ окрестностяхъ Умео и, какъ мы знаемъ, захвачена была врасплохъ Барклаемъ-де-Толли; бдльшая (свыше 7-ми тысячъ) группа Гриппенберга расквартирована была между Торнео и Питео. Такъ какъ селенія здѣсь на крайнемъ сѣверѣ весьма бѣдны и рѣдки, то пришлось войска Гриппенберга, состоявшія преимущественно изъ финновъ, весьма разбросать. Вслѣдствіе истощенія силъ послѣ всѣхъ перенесенныхъ тягостей бѣдственного отступленія, въ войскахъ этихъ широко распространились болѣзни; офицеры и солдаты были одѣты въ лохмотья; жалованья никто не получалъ уже шестой мѣсяць. Число лошадей было уменьшено до минимума, а то, что оставалось (главнымъ образомъ конскій составъ артилеріи) пришлось размѣстить, въ поискахъ фуража, далеко вглубь страны отъ расположенія отряда.

Къ концу февраля, графъ Шуваловъ стянулъ у Кеми около 4,000 человекъ. По общему плану на его колонну возлагалось наступленіе на Торнео, причемъ надлежало разбить близъ границы шведскія войска, захватить магазины и какъ можно быстрѣе продолжать движеніе къ Умео, на соединеніе съ Барклаемъ-де-Толли. «Никакія извиненія не будутъ приняты въ уваженіе и всѣ препятствія должны вы преодолѣть, дабы не быть послѣ въ отвѣтственности. Такова есть Высочайшая воля Государя Императора». предписывалъ ему 2-го марта Аракчеевъ.

6-го марта графъ Шуваловъ извѣстилъ Гриппенберга о прекращеніи перемирія. Гриппенбергъ тотчасъ же принялъ мѣры къ тому, чтобы сосредоточиться въ Калликсѣ, въ 70-ти верстахъ за Торнео; послѣднее было занято небольшимъ авангардомъ, расположеніе котораго было усилено укрѣпленіями, сдѣланными изъ льда...

Сборъ шведскаго отряда съ квартиръ шелъ крайне медленно; помимо значительной разброски, задерживалъ недостатокъ продовольствія и, главное, запозданіе въ прибытіи лошадей, которыя были далеко въ тылу. Гриппенбергъ упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи собрать свои войска непремѣнно въ Калликсѣ. Какъ пишутъ шведскіе авторы (напримѣръ, Норденсванъ, стр. 446)—сосредоточеніе корпуса съ отходомъ назадъ «противорѣчило его храбрымъ, рыцарскимъ понятіямъ». А между тѣмъ, «рыцарство» Гриппенберга нарушало извѣстный совѣтъ Наполеона—«никогда не назначать для сбора своихъ войскъ такой пунктъ, въ которомъ противникъ могъ предупредить въ значительныхъ силахъ». Въ данномъ случаѣ—это оправдалось въ полной мѣрѣ. Пока шведы медленно стягивались къ Калликсу, нашъ Улеаборгскій корпусъ быстро двигался къ Торнео двумя дорогами; правая колонна самого Шувалова шла по сушѣ, а лѣвая, генераль-маіора Алексѣева, направилась по льду залива прямо на островъ Біоркенъ, т. е. выходила въ тылъ непріятельскому авангарду. Въ войскахъ Алексѣева роздано было до 800 паръ лыжъ, но жестокій 30-ти-градусный морозъ не позволялъ ими пользоваться.

Торнеоскій авангардъ не принялъ боя и слѣшно отступилъ, бросивъ болѣе 200 больныхъ, часть оружія и продовольствія. Послѣдній передъ Торнео переходъ Шуваловъ сдѣлалъ болѣе 30-ти верстъ въ 6 часовъ, не имѣя почти отсталыхъ; что же касается Алексѣева, то его колонна прошла 50 верстъ. На другой день преслѣдованіе продолжалось тѣмъ же порядкомъ. Пройдя 35 верстъ за Торнео, авангардъ графа Шувалова, бывший подъ начальствомъ Эриксона, настигъ шведскій аріергардъ; завязалась слабая перестрѣлка: солдаты при 27⁰ мороза не могли стрѣлять—у нихъ коченъли руки. Шведскій аріергардъ (находившійся впереди Калликса въ 18 верстахъ)—2 баталіона подъ начальствомъ извѣстнаго уже намъ по предшествующимъ дѣламъ подполковника фонъ-Фіандта—отстрѣливался слабо и уже собирался очищать позицію и отступать, какъ со стороны Шувалова послѣдовала попытка войти съ непріятелемъ въ переговоры. Онъ послалъ полковника Ансельма-де-Жибори предложить Гриппенбергу сдаться, указывая на бесполезность сопротивленія, такъ какъ Умео занято Барклаемъ. Немедленно военныя дѣйствія были прекращены, и авангарды остались другъ противъ друга въ ожиданіи результата сношеній нашего переговорщика съ начальникомъ шведскаго корпуса, находившимся въ Калликсѣ. Дѣло было уже подъ вечеръ, такъ что сви-

даніе состоялось уже около полуночи. Гриппенбергъ и Пальмфельдъ сошлись съ Ансельмомъ въ деревушкѣ Сангисъ, близъ расположенія шведскаго аріергарда. Нашъ парламентаръ весьма искусно смущалъ и вводилъ въ заблужденіе шведовъ, что силы графа Шувалова въ нѣсколько разъ превосходятъ ихъ собственные и могутъ легко подавить ихъ, имѣя тѣмъ болѣе возможность все время обходить ихъ по льду Ботническаго залива, а сверхъ того—путь отступленія вглубь страны будетъ прегражденъ Вазаскимъ русскимъ корпусомъ. Но Гриппенбергъ, не имѣя еще свѣдѣній о переходѣ Кваркена, отвергъ предложеніе. Тогда атака была возобновлена. Войска наши надвинулись съ фронта, артилерія открыла огонь, а Алексѣевъ продолжалъ обходить свой по льду залива. Но уже вскорѣ отъ шведскаго генерала прибылъ парламентаръ съ предложеніемъ войти въ переговоры. Объясняется эта перемѣна тѣмъ, что въ Калликсѣ, куда Гриппенбергъ снова вернулся, его ожидало извѣстіе о занятіи Умео нашими войсками. Такимъ образомъ путь отступленія былъ Гриппенбергу дѣйствительно перехваченъ. При этомъ извѣстія дошли преувеличенныя, а именно—что Умео занято 9—10 тыс. челов. пѣхоты съ 700—800 конницы... Тревожныя вѣсти эти побудили храбраго и непреклоннаго, но малоискуснаго Гриппенберга созвать военный совѣтъ. Не встрѣтивъ сочувствія на совѣтѣ своему намѣренію сопротивляться, Гриппенбергъ ушелъ съ совѣта, разразившись проклятіями, и не дождавшись какого-либо рѣшенія...

Графъ Шуваловъ на перемиріе согласія не изъявилъ, а потребовалъ сдачи, давъ сроку четыре часа на принятіе поставленныхъ имъ условій. 13-го марта подписана была въ Калликсѣ капитуляція, по которой: а) корпусъ Гриппенберга обязывался положить оружіе; б) финны отпускаются домой, давъ честное слово не служить до мира; шведы должны также присягнуть, что не будутъ служить въ эту войну, и ихъ отпустить тогда въ Швецію; в) все оружіе и боевые припасы должны быть сданы; г) обозъ оставленъ при войскахъ; д) всѣ магазины вплоть до Умео передаются русскому комисару.

Всего сдалось шведовъ съ нестроевыми, свыше 7 тысячъ; ¹⁾ изъ нихъ 1,600 больныхъ; орудій взято 22, знаменъ 12.

¹⁾ По шведскимъ свѣдѣніямъ 2 тысячи; въ доказательство приводятся точные арифметическіе подсчеты. См. Норденсванъ стр. 431. Въ свою очередь, Михайловскій-Данилевскій основываетъ свою данную на шведской же строевой запискѣ, подписанной Гриппенбергомъ и врученной Шувалову.

Калликская капитуляція (по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго) «разрушила послѣднее звено, соединявшее Финляндію съ Швеціей», такъ какъ съ этого дня финны прекратили участіе въ войнѣ, и оборона Швеціи легла исключительно на ея коренныя войска. Въ шведской литературѣ высказывались нерѣдко предположенія, что капитуляція являлась слѣдствіемъ подкупа; любопытно, говоря кстати, что подобныя обвиненія возникаютъ у шведовъ чрезвычайно легко. На самомъ дѣлѣ, состояніе войскъ Гриппенберга, составъ ихъ (преимущественно изъ рвущихся домой финновъ) и изолированное положеніе на крайнемъ сѣверѣ страны, — причины вполне достаточныя для объясненія совершившагося. Надобно еще прибавить извѣстія о государственномъ переворотѣ, неизвѣстность въ отношеніи ближайшаго будущаго и т. п.

Крупный успѣхъ, достигнутый графомъ Шуваловымъ, не получилъ, однако, развитія, такъ какъ пришло извѣстное уже распоряженіе Аракчеева, въ силу котораго, въ виду заключеннаго имъ перемирія, сѣверный корпусъ нашъ отведенъ былъ въ Торнео и здѣсь задержался до весны. Одновременно съ этимъ въ самой Финляндіи произошли не лишеныя важности событія въ политическомъ отношеніи, въ связи съ которыми находилась отчасти и смѣна главнокомандующаго и составленіе новыхъ наступательныхъ плановъ.

Рапортованія Императора Александра въ мартѣ 1809 г. и для весенняго наступленія въ Вестроботнію.

Итакъ, зимняя за-ботническая операція, благодаря легковѣрію графа Аракчеева, разыгралась почти въ пустую и не привела къ желанному для насъ результату. Шведы на миръ не пошли, добившись только нужной имъ проволоочки, въ слѣдствіе отвода назадъ нашихъ трехъ колоннъ. А, между тѣмъ, обстановка для насъ сложилась исключительно благопріятная, какой не могъ предвидѣть первоначальный составитель плана операціи, графъ Каменскій. Переворотъ и смута въ Стокгольмѣ, при слабости въ немъ войскъ и сравнительной близости Багратіона къ шведской столицѣ; водвореніе Барклая въ Умео, успѣвшаго захватить продовольствіе въ размѣрѣ обезпечивающемъ его наступленіе до Стокгольма, не преграждаемое никѣмъ; наконецъ — капитуляція Гриппенберга въ Калликсѣ, обнажившая всю сѣверную Швецію — все это создавало условія, способствовавшія проявленію быстроты, смѣлости, даже *дерзости* въ исполненіи задуманнаго предпріятія. Такъ именно и понимали это, благодаря природнымъ военнымъ качествамъ, такіе отъ мозга костей и до конца ногтей военные люди, какъ Кульневъ и Багратіонъ, нетерпѣливо

и стремительно гнавшіе передъ собою шведовъ. Ихъ замыселъ, несомнѣнно, заключался въ томъ, чтобы съ *налета*, вися на хвостѣ у противника, захватить и самую его столицу; при томъ безнача-ліи, которое въ данную минуту царило въ Швеціи, такой захватъ дѣлалъ насъ господами положенія, и намъ оставалось только диктовать побѣжденнымъ свои условія... Тогда, само собою разумѣется, наши стремленія закрѣпить за собою Финляндію съ Аландомъ показались бы всѣмъ только умѣренными...

Въ тотъ самый день, когда войска колонны князя Багратіона возвратились съ Аланда обратно въ Або, а именно 13-го марта, Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Петербурга открывать Воргоскій сеймъ. 16-го состоялось торжество открытія, а 17-го вечеромъ Государь выѣхалъ въ Гельсингфорсъ, въ теченіе пяти часовъ осматривалъ Свеаборгскую крѣпость, а 19-го совершилъ торжественный въездъ въ Або, тогдашній главный [городъ Финляндіи. Здѣсь русскій Императоръ провелъ двое сутокъ, во время которыхъ, кромѣ многихъ другихъ вопросовъ, установленъ былъ и дальнѣйшій планъ военныхъ дѣйствій...

Вмѣстѣ съ наградами частнымъ начальникамъ, осуществившимъ такъ или иначе переходъ въ Швецію, въ память котораго выбита была особая серебряная медаль на Андреевской лентѣ, Государь весь неуспѣхъ предпріятія вмѣнилъ въ вину исключительно одному главнокомандующему Кноррингу, котораго въ Або не удостоилъ не только пріема, но даже разговора. Въ скоромъ времени Кноррингъ былъ смѣщенъ, и замѣстителемъ его явился герой Кваркена, Барклай-де-Толли.

Сущность распоряженій, сдѣланныхъ Императоромъ въ Або, шла совершенно въ разрѣзъ съ тѣмъ, что установлено было военнымъ начальствомъ до его пріѣзда. Прежде всего приказано было немедленно прервать перемиріе и возобновить военныя дѣйствія. Но, съ уходомъ нашихъ Абоскаго и Вазаскаго отрядовъ обратно на Финляндскій берегъ, могъ перейти въ наступленіе единственно только Улеаборгскій корпусъ графа Шувалова. Ему поэтому было предписано, «не принимая никакихъ извѣстій о сдѣланномъ перемиріи, которое и не существуетъ», вновь перейти границу Швеціи и ближайшею цѣлью себѣ поставить «завладѣніе неприятельскими провіантскими магазинами и собраніе съ земли сколь возможно болѣе контрибуцій на составленіе новыхъ провіантскихъ запасовъ. Всѣ переправившіяся черезъ Кваркенъ войска колонны Барклай-де-Толли отправлены на усиленіе «корпуса» графа Шувалова, а

самому Барклаю (о возвращеніи котораго въ Вазу донесеніе еще не дошло) предписано было оставаться на шведскомъ берегу и войти въ связь съ Шуваловымъ. Отсюда видно, что Императоръ Александръ и его совѣтники полагали использовать отрядъ Барклая, какъ авангардъ тѣхъ силъ, которыя должны были наступать въ обходъ Ботническаго залива.

Для подвоза продовольствія графу Шувалову въ Вазѣ и Улеаборгѣ велѣно было спѣшно организовать постройку и приспособленіе судовъ, съ тѣмъ, чтобы какъ только вскрыется море, установить правильную доставку въ Швецію боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ. Зимовавшая въ Або гребная флотилія должна была тотчасъ же по открытіи навигаціи перейти на Аландскіе острова, для удержанія которыхъ назначенъ немедленно сильный «корпусъ» Демидова (8 баталіоновъ, 1 эск., 1 сотня, 6 орудій и рота піонеръ). Ближайшимъ сотрудникомъ Демидова назначенъ былъ Кульневъ. Войска эти спѣшно пошли на Аландъ, пока еще держался ледъ; они снабжены были продовольствіемъ на 1½ мѣсяца. Демидову приказано было переписать всѣ суда на островахъ и, въ случаѣ надобности, захватить ихъ; шведскія канонерки, брошенные ими, окончить и вооружить; къ работѣ этой приспособить за плату жителей, а морскому министерству назначить на лодки соотвѣтствующіе экипажи. Отрядъ Демидову рекомендовано держать сосредоточенно, не раздробляя по отдѣльнымъ островамъ (за что годъ тому назадъ поплатился Вуичъ); «способныя мѣста» укрѣпить, а съ мелкихъ острововъ забрать заложниковъ, пользуясь ими и ихъ сношеніями съ родственниками и односельчанами для сбора свѣдѣній.

Такимъ образомъ основною идеей намѣченныхъ на весну дѣйствій было: энергично наступать вокругъ Ботническаго залива въ западную Ботнію, удерживая прочно Аландскій архипелагъ и преграждая проходы изъ Финскаго въ Ботническій заливъ при помощи гребного флота. Основнымъ условіемъ успѣха задуманнаго плана была возможность для насъ сохраненія въ своихъ рукахъ *свободы передвиженія* черезъ Ботническій заливъ. Главная трудность наступленія въ Вестроботнію заключалась въ разрѣшеніи *продовольственного вопроса*.

Ограничиться сухопутнымъ подвозомъ въ обходъ Ботническаго залива значило заранѣе осудить себя на неуспѣхъ. Цѣлью задуманнаго Императоромъ Александромъ предпріятія, какъ извѣстно, былъ захватъ у шведовъ такой части западной Ботніи, обратная уступка которой при мирѣ обезпечивала бы намъ *навѣрняка* со-

гласіе ихъ на отдачу *всей* ¹⁾ Финляндіи.—Разъ осуществленіе этого предпріятія зимою не удалось—успѣхъ выполненія того же лѣтомъ прежде всего зависѣлъ отъ *быстроты и безостановочности* наступленія. На мѣстныя средства рассчитывать приходилось лишь въ самой незначительной степени, тѣмъ болѣе, что Барклай не удержался въ Умео, и, слѣдовательно, все, что могло быть найдено у жителей сѣвернѣе этого пункта, не являлось уже легкой добычей наступающаго. Шувалову надо было прежде всего захватить то, что еще оставалось въ Вестроботніи по части продовольствія: это было непремѣннымъ условіемъ *самой возможности* дальнѣйшаго продолженія операціи, пока, съ возстановленіемъ водныхъ сообщеній, не установится подвозъ моремъ.

Основаніемъ безпрепятственнаго производа послѣдняго было, слѣдовательно, своевременное приведеніе въ надлежащую готовность *нашихъ морскихъ силъ*. Одной гребной эскадры, сосредоточенной на Аландѣ, было, очевидно, недостаточно для того, чтобы *надежно* преградить шведскому корабельному флоту—совершенно свѣжему и нетронутому войною—доступъ въ Ботнику. Нашъ корабельный флотъ, подъ предводительствомъ адмирала Ханькова, въ прошлую кампанію, какъ извѣстно, въ сущности не былъ въ дѣлѣ вовсе, а къ началу зимы, по снятіи англичанами блокады, вврънулся изъ Балтійскаго порта въ Кронштадтъ на зимовку.

Поэтому конечный успѣхъ нашихъ будущихъ операцій, по условіямъ сложившейся обстановки, всецѣло зависѣлъ отъ *степени быстроты* изготовленія обѣихъ категорій нашего флота, причѣмъ корабельному надлежало на этотъ разъ дѣйствовать болѣе активно, чтобы *навлечь на себя всѣ шведскія морскія силы и тѣмъ обезпечить свободную переброску запасовъ въ сѣверной части Ботники, безъ которой сухопутныя наступательныя операціи нашихъ войскъ были безусловно не выполнимы въ желаемой мѣрѣ*.

Обращаемъ особое вниманіе читателей на указанное здѣсь значеніе морскихъ силъ въ лѣтнюю кампанію 1809 года, которая поучительна именно съ точки зрѣнія неблагоприятнаго вліянія несоответственнаго употребленія флота и невыполненія имъ, въ отно-

¹⁾ Кстати говоря, упорство Императора Александра въ достиженіи именно этого, а не какого-либо меньшаго результата войны, показываетъ, что къ данному времени Онь вполнѣ сознательно добивался надежнаго обезпеченія столицы. Одновременное открытіе Имъ сейма въ Борго и подтвержденіе на немъ ранѣе обѣщанныхъ финляндцамъ льготъ имѣло, очевидно, въ виду, пользуясь междуцарствіемъ въ Швеціи, привлечь умы финляндцевъ на свою сторону, сохраняя за собою полную возможность урегулировать впослѣдствіи эти отношенія надлежащимъ образомъ.

шеніи главнѣйшихъ сухопутныхъ операцій, своей *служебной* роли. Одновременно съ вышеописанными военными приготовлениями, Императоръ Александръ желалъ показать новому шведскому правительству, что онъ вовсе не уклоняется отъ мирныхъ переговоровъ а наоборотъ,—охотно желаетъ идти имъ на встрѣчу. По этому, въ отвѣтъ на сдѣланное герцогомъ Зюдерманландскимъ предложеніе заключить перемиріе на неопредѣленное время, съ тѣмъ, чтобы условиться послѣ этого о началіи переговоровъ о мирѣ, Государь послалъ въ Стокгольмъ бывшаго тамошняго нашего посланника Алопеуса, который долженъ былъ завѣрить герцога, что Русскій Императоръ, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла Швеціи, желаетъ быть съ нею въ пріязненныхъ отношеніяхъ. Но условіемъ мира съ Россіею обязательно должны были быть: разрывъ съ Англіей, принятіе «континентальной системы» и уступка Финляндіи. Въ переговорахъ съ Алопеусомъ, шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ Лагербельеке пытался предложить особаго рода исходъ: возведеніе на шведскій престолъ одного изъ русскихъ Великихъ князей или принца Ольденбургскаго, зятя Государя... Предложеніе это оставлено было съ нашей стороны безъ отвѣта ¹⁾).

Приступъ къ мирнымъ переговорамъ затягивался вслѣдствіе того, что Герцогъ Зюдерманландскій, хотя и управлявшій уже фактически государствомъ, не былъ еще признанъ королемъ. Необходимо было собрать риксдагъ, который долженъ былъ, во первыхъ, утвердить его на престолѣ Швеціи, а во вторыхъ дать свое согласіе на главное условіе мира, т. е. на уступку Финляндіи, по площади своей являвшейся третьею частью всего королевства.

Все это совершалось крайне медленно. Въ результатъ шведскій уполномоченный баронъ Стедингъ, присланный въ Петербургъ съ предложеніемъ на счетъ переговоровъ на пріемлемыхъ для насъ условіяхъ, прибылъ только въ іюнь. Ясное дѣло, что ожидать столько времени и медлить съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, упуская явныя для себя выгоды,—было нельзя...

Вотъ, почему, несмотря на желаніе обѣихъ сторонъ положить оружіе, военныя дѣйствія, не только были возобновлены весною 1809 года, но продолжались вспышками и въ теченіе всего лѣта. Послѣднее зависѣло уже отъ самого хода мирныхъ переговоровъ въ Фридрихсгамнѣ.

Въ апрѣлѣ 1809 года Финляндская «армія», поступившая подъ начальство Баркляя-де-Толли, насчитывала въ своихъ рядахъ

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій стр. 431.

39,000 человекъ. Изъ нихъ въ Улеборгскомъ корпусѣ графа Шувалова (считая съ двигавшимися къ нему подкрѣпленіями), было 10,000; въ Вазаскомъ корпусѣ 6,000; въ Абоскомъ 8,000; въ Нюландскомъ 2,000; на Аландѣ 4,000, въ Свеаборгѣ гарнизонъ 4,000 и на флотиліи 5,000.

«Не взирая на всю невѣроятность и противорѣчіе такого поведенія» — высказывался въ ту пору Императоръ Александръ «нельзя намъ совершенно быть удостовѣренными, чтобы не могло быть еще въ теченіе сего лѣта между Англійей и Швеціей нѣкотораго соединеннаго дѣйствія». «По сему» полагалъ Онъ, «наши военныя мѣры въ Финляндіи должно расположить такъ, чтобы на всякій случай быть готовыми къ отраженію непріятельскихъ покушеній»...

Такая точка зрѣнія приводила къ необходимости удѣлить весьма значительное количество войскъ для обезпеченія побережья, — или, по существу для *обезпеченія операционной линіи* той активной группы, которая должна была выполнять главную задачу предстоящей операциіи. И вотъ въ результатѣ, графу Шувалову, на долю котораго эта задача выпала, приходилось наступать только съ 10-ю тысячами ($\frac{1}{4}$ всѣхъ силъ), да и то они были сосредочены только на половину...

Правда, для содѣйствія Улеборгскому корпусу предполагалось въ послѣдствіи перебросить моремъ часть Вазаскаго корпуса въ Умео, для чего готовились перевозочныя средства и требовались изъ Петербурга морскія команды... Но «скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается», говоритъ наша старая русская пословица. Какъ увидимъ въ послѣдствіи, Морское Министерство задержало присылку нужнаго личнаго состава; довѣрить же управленіе военныхъ транспортовъ однимъ финляндцамъ справедливо опасались. Въ результатѣ, наступленіе въ Швецію свелось къ дѣйствіямъ одного, и то не вполнѣ собраннаго, корпуса графа Шувалова и, естественно, цѣли своей не достигло, а когда, наконецъ, необходимыя приготовленія были закончены, водный путь черезъ Ботнику *оказался въ рукахъ шведскаго флота*... Объ этомъ подробно будетъ изложено уже въ слѣдующей нашей статьѣ.

П. Жибѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

